

— Ты же талисман, всего-навсего. Почему тогда чувствуешь ответственность за «восемьдесят шесть», за обычных солдат?

Будь она и правда не более чем талисман, ей не нужно было бы брать на себя такую ответственность.

□

Вопрос был задан небрежно, и Фредерика подумала, что время наконец пришло. Императорский дом Адель-Адлер ослабел до простых марионеточных правителей и едва попадался на глаза не только мелким дворянам, но и уже простолюдинам. Поскольку отец, император, погиб, а сама она была возведена на трон в младенчестве, вполне естественно, что гражданин другой страны не распознает в ней ту, кем она является на самом деле.

Но обращался к ней сейчас гадюка — никто иной, как Аметист дома Идинарок, его сила Эспера даровала ему мудрость и проницательность, граничащие со сверхъестественным. Фредерика не была столь наивна и оптимистична, чтобы верить, будто сможет утаивать секрет от него вечно.

Поэтому она встретила с ним взглядом, сохраняя маску спокойствия, чтобы и дальше держать его в неведении.

— Я...

По официальным документам Фредерика — внебрачный ребенок могущественной дворянской семьи. Имперская аристократия гнушалась детей смешанных кровей, из-за чего семья публично не признавала ее, но благородную дочь все же воспитали соответствующим образом. Ее поместил под опеку президента, Эрнеста Зиммермана, кое-кто из местной знати, спонсирующей его, а по желанию родной семьи отправили в ударную группу «восемьдесят шесть» — элитный отряд и одновременно двигатель пропаганды.

Фредерика была готова громогласно дать ответ, который составила загодя, учитывая эту ложную легенду. Ответ, который и ожидаешь от дочери милитаристской имперской знати.

— Я, Фредерика Розенфорт, единственная имперская дворянка в ударной группе. Пускай мои предки не признают меня, я должна возвысить гордость дворянства страны и стоять на поле, чтобы вести солдат в бой. Может, я и талисман, но также солдат, и потому поддерживать мораль — мой суверенный долг.

Вик моргнул.

— Ясно. Так ты не можешь раскрыть обстоятельства.

— !..

— Сболтнуть то, о чем тебя не спрашивали, — значит фактически открыто признать вымысел... Из тебя плохой лжец.

Теперь Фредерика потеряла дар речи. Вик холодно уставился на нее, стремительно бледневшую. Эмоции были написаны на лице девочки. А ведь он всего-то расколол ее. Неужели надо было настраиваться перед тем, как выдать одну-единственную ложь?

Если она действительно родилась в благородной семье, ее с самого детства должны были обучать контролю эмоций и выражению лица, но Фредерика будто бы не присутствовала ни на одном подобном занятии. А раз родная семья не озаботилась хотя бы таким просвещением дочери, обстоятельства Фредерики, вероятнее всего, были не настолько важными, как думала она сама или предполагал Вик.

— Ну, — начал он, — не скажу, что мне так важно узнать твою ситуацию, поэтому допытываться не стану. Однако...

Принц-змея продолжил, а потом задумался. Конечно, Фредерика была очень близка с Шином — уроженцем Республики, а также прямым потомком маркиза Ноузена. Если она родилась в побочной ветви этой родословной, могла ошибочно причислить себе право и долг дома Ноузенев. В таком случае...

— ...что ты пытаешься защитить? Солдат или свою совесть, которая опасается бросать их, потому что это причинит им боль?

— Я... Я...

— Ты должна прояснить для себя. Если страх предать убеждения вынуждает тебя быть рядом несмотря на то, что сил защитить их нет, а попытки помочь провалятся и приведут к твоему побегу, лучше будет просто взять и бросить их.

†

<<Безликий — Единой сети.>>

Как и в первом крупномасштабном наступлении, вид на руины родины не всколыхнул в нем ни одной эмоции.

Он подумал об этом, когда в оптическом сенсоре вновь отразился горящий штаб национальной армии. Он — Динозавр «Безликий», пастух, в прошлом Вацлав Миризе.

Его фюзеляж и башня на спине были повернуты на статую Святой Магнолии, разрушенной в огне.

<<Все сектора Республики Сан-Магнолия успешно захвачены. Все этапы операции «Страсть» завершены.>>

Окружающие его командные машины, казалось, были довольны таким исходом, они повернулись оптическими сенсорами в сторону Безликого. Каждый был Динозавром, одержимым ненавистнической убежденностью юных солдат, превращенных в мстительный Легион.

В прошлом «восемьдесят шесть». Теперь же они...

<<Безликий — всем командным машинам в Единой сети. Обращение ко всем Агнцам*.>>

[П/П: Агнец — от лат. ягненок. Есть также Агнец Божий, имя Иисуса Христа в Священном писании.]

С данными от Высокоманевренной машины, разработанной Зелен Биркенбаум — кодовое имя «Императрица», — и экспериментов с наступательно десантным линкором, Косаткой, и сухопутным линкором, Фердинандом, командные машины обрели бессмертие. Они стали Агнцами, неубиваемыми клинками человечества и способными возрождаться после смерти.

<<Начинаем новую операцию по уничтожению оставшихся бастионов человеческого влияния. Первой Единой сети поручается собрать информацию с выживших войск Республики с целью захватить Союз Гиаде.>>

†

Несмотря на поздний час, Лена не могла уснуть. Она сидела за столом в своей комнате, одетая в шаль и пеньюар, мысль, обгоняя одна другую, пронеслись в ее голове.

Основная база ударной группы, Оружейная, перестала быть безопасной. В этот ночной час все шторы были задернуты, также действовала светомаскировка: в кабинете сейчас царил мрак. Пока остальные крепко спали, атмосфера на базе казалась несколько удушающей. Фипи, сонно сидящий под светом настольной лампы, выглядел недовольным. Лена натянуто улыбнулась коту.

— Ты мог бы просто пойти спать, знаешь ли...

Кот мяукнул — скорее всего, ответил отказом, словно бы говорил, что не хочет ложиться без нее, или что слишком волнуется, или дело в чем-то похожем. Капризный черный кот моргал своими зелеными глазками. Поглаживая с любовью маленькую голову, Лена снова погрузилась

в путанные мысли.

Горящий поезд. Вопли и крики, цвет пламени. Ее родина, Республика Сан-Магнолия, изолирована и превратилась в угасающий банкет возмездия. Граждане, забегающие за Гран-Мюр в поисках спасения. Канонада пушек. Тлеющие угли, вздымающиеся, будто от костра. Рухнувшие крепостные стены, которые она не смогла спасти, бросила, оставила издыхать. Краски огня и крови. Голоса ненависти и озлобленности. Стайки бабочек из жидких микромашин, взлетающие в небо, будто поднимались в небеса.

Призраки «восемьдесят шесть» — выбравшие вражду и жажду мести, они стали Пастухами и присоединились к истребляющим машинам. Их голоса, скандирующие и лающие, требующие только одно: убоя.

«Мы отомстим».

Градус свирепости и обиды, которые никак не соотносились с ее образом лейтенанта Льва Альдрехта. Мужчина, скрывая свою принадлежность к Альбе, пошел сражаться в восемьдесят шестой сектор, из желания спасти жену и ребенка. Тот же человек, что в бараках отряда Остриё копья, последней станции утилизации, бесконечно ухаживал за детьми и их Джаггернаутом. Что каждые полгода смотрел в спины уходящим на верную смерть.

Нашел ли он способ унять обиду?

Он был готов позволить детям, за которыми приглядывал, убить себя. Винил себя за то, что просто являлся гражданином Республики. Умереть от рук Рито, вот какого искупления он желал?

Пускай даже Альдрехт был повинен, могли ли республиканцы, погибшие тогда от гнева «восемьдесят шесть», искупить вину через смерть?

Неужели это то, чего жаждали бесчисленные павшие «восемьдесят шесть» и бывший командир бригады обслуживания в конце их ненависти? В конце их ярости? Вот то видение ада, вот то inferно гибели и злости? Если да...

Эти мысли преследовали Лену, крадя ее драгоценный сон. Как только она закрывала глаза, тут же слышала крики граждан Республики и отвращение «восемьдесят шесть». Кто может спать мирно в таком-то состоянии?

Но вдруг тишину ночи прервал мягкий, сдержанный стук в дверь. Фипи наострил уши. Лена встала, гадая, кто бы это мог быть.

— Лена? Ты не спишь?

Шин.

Стоило услышать этот голос, и ее испорченное настроение немного поднялось, она сразу почувствовала себя виноватой за не стесненный восторг.

— Не сплю, — ответила она. — Тебе что-то нужно?

Она открыла дверь и обнаружила стоящего Шина с кислым выражением лица. Несмотря на ночное время, он был в служебной форме, галстук на нем поправлен идеально. Позади него стояла помощница Лены, младший лейтенант Изабелла Першман.

— Младший лейтенант говорила мне, и все же... Теперь вижу, что это правда.

— А?

†

Прошел почти месяц с тех пор, как Зелен оставили в экранированном контейнере, отрезанную ото всех контактов с внешним миром. Шин ни разу не навещал ее, как началось второе крупномасштабное наступление. Также и Вик: он лишь раз видел ее после наступления, а потом не приходил вовсе. Сотрудников разведотдела, которые сопровождали ее до сих пор, тоже видно не было.

Будь она человеком, не вынесла бы длительное заточение в абсолютной тишине и темноте, но Зелен — Легион, и изоляция для нее является пустяком. Военные Союза понимали это и вряд ли задумывали такого рода допрос или пытку.

Либо они проверяли поступившую от нее информацию, либо перестали считать достоверным источником.

Она могла только надеяться, чтобы последнее оказалось неправдой...

Вот какую мысль Зелен вложила в беззвучный вздох, находясь в молчаливой темноте гроба. Она позволила Союзу захватить себя, чтобы Легион не уничтожил человечество, и чтобы остановить Пастухов, которых теперь вел не последний приказ Империи, а собственная жажда мести.

Но вся поступившая от нее информация была подвергнута сомнениям, скорее всего, так же, как и рассказанное про процедуру выключения Легиона. Ей нельзя было этого допустить.

И тут камера и микрофон, подключенные к контейнеру, включились снаружи.

— Ты не мертва... Хотя нет, технически-то мертва. Но ты явно не сломалась, да, Зелен Биркенбаум?

На низкокачественных кадрах с дешевой камеры стоял незнакомый молодой офицер. Выглядел примерно на двадцать лет. Чистокровный Оникс с угольно-черными глазами и волосами, напоминающими беззвездное ночное небо. Изящные бледные черты, характерные для имперской знати, холодное и жестокое, будто копье, выражение лица и раскосые глаза, сверкающие суровостью. Он был будто смертельно заточенный клинок — один из тех, что беззвучно и без усилий порежет, если посмеешь его коснуться.

На его нарукавной повязке виднелась символика подразделения: костяная рука, держащая длинный меч, обьятый призрачным огнем. Зелен переполнила ледяная враждебность. Даже в неорганическом электронном голосе слышались нотки неприязни.

<<Клан Ноузендов...>>

Эта эмблема принадлежала элитному подразделению на службе семьи, которая правила Империей и имперской армией. В него входили только те, в ком текла кровь Ноузендов, под каждого индивидуально подгоняли фердрес — они были сильнейшей козырной картой Ониксов.

— Ятрай Ноузен. Преемник Ноузендов во главе дивизии Безумные кости*.

[П/П: Скорее всего, Безумные кости отсылает на буквальный перевод имени одного из ёкая в японском фольклоре — Кёкоцу. Это скелетный дух, который появляется после того, как человек тонет в колодце.]

Его глубокий голос раздался эхом по помещению, он был под стать достойному поведению и холодному, собранному блеску в глазах. Острота голоса напугала бы большинство людей, но Зелен оставалась невозмутимой.

<<Мне нечего сказать никому из Ноузендов, кроме Шина, потомок завоевателя.>>

Раз к ней снова кто-то пришел, значит Союз намерен вытащить из нее больше информации. Они могли не доверять Зелен, как Легиону, но она проницательно отметила, что рано или поздно ее потенциальные сведения сочтут точными.

Получалось, кое-какая возможность для переговоров оставалась. Пускай даже тем самым она даст волю Легиону и не раскроет свои грехи, но говорить с Ноузенами — ни за что.

Ятрай слегка улыбнулся, как будто видел ее насквозь. Это была улыбка холодного расчета. Ухмылка правителя, не проявляющего милосердия к тем, кого раздавил.

— Если подумать, ты же из жалкой семьи Пиропов, а, Биркенбаум? Ну конечно, логично, что ты затаишь обиду на Ониксов.

<<...>>

Ее ненависть к Ониксам. К завоевателям вроде него. Гнев, накопившийся за тысячелетие бесчестий, — чувство столь сильное, что простой «обидой» его не описать.

— Но ты не в том положении, чтобы высказываться, сраная жестянка.

Хотя они и были из одной родословной, тот добросердечный юноша никогда бы не сделал то, что позволил себе этот Ноузен — с таким равнодушием назвать ее распространенным уничижительным словом, применяемое людьми к Легиону. Он напомнил, что она больше не человек, а лишь кусок металлических отходов, который нужно будет выбросить и уничтожить.

— Если откажешься делиться всем тем, что тебе известно, поступим так же, как со всеми. Мы просто избавимся от тебя... А от этого проиграешь только ты одна. Если откажешься говорить, именно твое желание не будет исполнено, не наше. Это затронет твою совесть, это ты лишишься всякой надежды. Все, над чем ты работала, пропадет.

Ее молчание больше не было инструментом для переговоров.

— Теперь, когда ты всего-навсего бездыханная машина, ты жаждешь сделать что-нибудь хорошее и спасти жизни. Нет, скажешь, Зелен Биркенбаум? Если владеешь какой-то информацией, выкладывай. Прямо здесь и сейчас. А потом...

Он наверняка разгадал молчание Зелен, прочитал ее мысли. Новое поколение Ноузенов глумилось над ней высокомерной, жестокой улыбкой под стать родословной завоевателей.

— ...мы решим, стоит ли хоть чего-нибудь сказанное тобой.

□

Приказав офицеру разведотдела выжать каждую каплю информации, Ятрай вышел из камеры. С отступлением западного фронта перебросили также и контейнер Зелен. Информбюро нынешней штаб-квартиры располагалось в заброшенном селении, а ее контейнер поместили в склеп церкви. Была в этом какая-то ирония, положить умершую десять лет назад женщину, теперь уже механического призрака, в месте, где хоронят мертвых.

Ятрай прошел через толстые металлические двери у входа в склеп, после чего вдруг опустил плечи и проворчал:

— А-а-а, боже правый. Как же ноют...

Он повесил голову и нахмурился, потом ссутулился вперед — в нем не было ни тени достоинства, ни мотивации. Недавние жесткая манера поведения и угрожающая атмосфера следующего главы великого дома воителей Ноузендов исчезли без следа. Старший лейтенант, офицер охраны, уставился на него с неподдельным удивлением, совсем забыв проявить уважение. Ятрай не принял на свой счет неучтивость офицера, вернее, он как будто не заметил этого. словно член императорского двора в прошлом, он обращал внимание на простоллюдинов не более чем на муху на стене.

— Будто мне мало нервотрепки от третьего сына Эренфридов и вечно устрашающего, мать его, президента, теперь еще и карга Брантолот подорвалась, растеряв терпение. Все такие угнетающие. Почему мне приходится мириться с этим? За что все это?

Ятрай уныло плелся себе, когда Йошка, ждущий его снаружи, окликнул парня дразнящим голосом:

— Итак, Ноузен, ты наконец-то признал, что станешь следующим главой... Ты же так представился мисс Зелен?

Ятрай недовольно надулся.

— Да потому что преемником был признан мой старший брат Митц. Я не хочу быть после него, но его дети — все девочки, а брат Тоцука погиб в бою, что технически делает меня преемником... Я бы обошелся без этого, разумеется.

Он признавал неизбежность, и все же, должно быть, так сильно ненавидел эту преемственность, что дважды повторил свое нежелание становиться главой. Дом Ноузендов, будучи старинным родом еще при молодой Империи, был распространен везде: большинство членов входили в правительство, армию и несметное число корпораций. Но быть главой такой семьи вовсе не так привлекательно, как могло показаться.

Хотя положение обещало большую власть, ответственность и решения, которые придется принимать, были такими же гигантскими, не говоря уже про воздействие интриг и жадности... и следующей по пятам тысячелетней истории обид и смертей.

— И есть еще внук нынешнего главы, которого обнаружили в прошлом году. Но он отказался от участия в гонке за власть Ноузендов, — пробормотал Йошка, скрестив руки.

Все сыновья главы семьи, Сейей Ноузена, либо сбежали, либо умерли от болезни, либо погибли в бою, из-за чего дом Ноузендов уже многие годы пытался решить вопрос преемственности. Об этом Йошка знал, потому что являлся членом благородной семьи Майка. Борьба за власть внутри дома Ноузендов устаканилась, когда преемником Сейей назначили Митца — старшего сына младшего брата маркиза Ноузена, — а его младшего брата Ятрая — преемником Митца.

Тут-то выяснилось, что внук маркиза, Шин'эй, все еще жив, и эта новость за кулисами опять подняла вопрос преемственности.

— Хотя у Шина за спиной никого и ничего нет, — сказал Йошка. — Он не получал образования, свойственного имперской знати, поэтому даже если бы ты принудительно сделал его преемником, он все равно не знает, что делать.

— Мы с Митцем, естественно, охотно бы поддержали его, женись он на одной из его дочерей.

Но в ответвлении семьи Ноузендов были девушки брачного возраста, а дочери маркиза Сейей выходили замуж за отпрысков конкурирующих дворянских семей. Подумав, что они, наверное, предлагали то же самое, Йошка ответил:

— Не прокатит.

У Шина уже была девушка, как-никак. Кроме того, брак в политических целях, когда романтическая связь оставалась для наложниц и любовников, был ценностью имперской аристократии. Шину, родившемуся в Республике, принять это будет трудно.

— Да, вряд ли, — фыркнул Ятрай. — Нынешний глава не хочет обременять своего внука именем Ноузендов. С Майка, скорее всего, также.

— Ну да... Маркиза хочет, чтобы Шин оставался ее драгоценным внуком, а она — его доброй бабушкой.

Йошка мог понять чувства маркизы Гельды Майка и маркиза Ноузена. Шин был отпрыском, в ком текла их кровь, но также, по их желанию, тем, кому не придется браться за главенство семьи. Внуком, в котором не нужно видеть пешку для выживания клана или солдата, укрепляющего их мощь. Внуком, которого они могли бескорыстно любить.

Им, бывшим имперским дворянам, никогда не позволялось даже надеяться на такого отпрыска.

Ятрай, однако, с горечью произнес:

— Нет, и глава, и маркиза Майка, может, и думают об одном и том же, но не только об этом...

Йошка с интересом посмотрел на Ятрая, но тот взгляд не вернул. Черные глаза. Безжалостный взгляд был охвачен тьмой родословной Ноузендов.

— Безголовый Бог Смерти ударной группы. Ас и командир козырного элитного отряда Союза... Король-воин «восемьдесят шесть». Маркиз Ноузен и маркиза Майка отнюдь не глупы, чтобы

донимать его именем семьи. Не тогда, когда военная обстановка настолько плоха. Вот к чему на самом деле все сводится.

†

Прошло всего полмесяца с операции в Республике. Фронт был отодвинут на десятки километров, и теперь далекое гроыхание артиллерии стало повседневным фоном на Оружейной базе. Аналогично изменилась каждодневная жизнь капитанов и вице-лейтенантов, добавились регулярные подготовки старших командиров.

Слушая лекцию сотрудника по снабжению во 2-й бронетанковой дивизии, Райден задумался над существующей нехваткой штабных офицеров в армии. Во втором крупномасштабном наступлении погибло много солдат, унтер-офицеров и штабных офицеров, еще больше жизней унесли попытки сохранить тупиковые ситуации на каждом фронте.

С другой стороны, в ударной группе имелось больше штабных офицеров, чем регламентировалось, они должны были помогать обер-офицерам — Райдену и остальным капитанам и их заместителям, — кому не хватало полномочий. Этих штабных офицеров могли перевести для помощи подразделениям на фронтах в любое время. И чтобы удостовериться, что в их отсутствие молодые солдаты не останутся несамостоятельными, штабные офицеры предлагали специальные лекции вроде той, что шла сейчас.

Но вместе с тем, ударной группе все еще не давали новых указаний.

На деле, место их следующей дислокации уже решено, но до Райдена пока не дошли распоряжения насчет миссии или хоть какие-нибудь общие сведения о ней. Они не могут согласовать конкретную точку развертывания или же остерегаются утечки информации?

— Они ведь не перестали нам доверять... — сорвалось с его губ.

Все их достижения обратились в ничто, а две недели назад они провалили спасательную операцию в Республике. Технически была выполнена первоочередная цель, а именно содействие в отступлении экспедиционному отряду, но командир Ричард Альтнер погиб по долгу службы, а Республика пала.

Райден считал задачи невыполненными, а потому задался вопросом, не повлияли ли провалы на подход военных Союза.

Пока он воспринимал это как отдых, обещанный им в октябре. К счастью, здесь было не как в восемьдесят шестом секторе: законные опекуны завалили их всевозможными развлечениями — фильмами, мультфильмами и комиксами, — поэтому недостатка в увеселениях они не испытывали. И военная ситуация не начала влиять на количество или качество питания.

Даже в соседнем городе Фортрапид, из которого эвакуировали больше всего жителей, работали несколько кофеен, магазинов и пабов для обслуживания Варгов и членов ударной группы.

Но пусть так...

— Кажется, в какой-то момент нам придется двигаться дальше...

Горькое чувство тщетности оставила после себя операция в Республике, отступление, которое вынудило бросить ее граждан... Он не хотел, чтобы именно это ощущение стало последним перед тем, как они сдвинутся с места.

□

— Всякая занятость помогает нам отвлечься, так они думают?

Помимо капитанов и вице-капитанов, кому в основном и предназначались специальные лекции, на них также обязаны были присутствовать все «восемьдесят шесть» звания командира взвода и выше, чтобы при необходимости они могли заменить старших. Это не обошло Крену и Анжу.

Но людей было много, а потому, беря в расчет каждодневные обязанности процессоров, их поделили на несколько групп. Сейчас шли утренние занятия для вице-капитанов, у девушек сегодня они начинались после обеда. Обе находились в комнате Анжу, которую та элегантно оформила засушенными цветами и разными декорациями, однако Крене пришлось притащить стул из своей.

До сих пор Крена частенько отлынивала от домашней работы, поэтому ей с трудом удавалось подготовиться к лекции. Она поджала губы: надо было взяться за учебу месяц назад. Кто бы подумал, что ей придется изо всех сил наверстывать упущенное сейчас, когда война развивалась скверно, и свободного времени не оставалось.

Пока Крена крутила в руках ручку, думая о том, о сем, Анжу сухо улыбнулась.

— Я все же считаю, тебе лучше вернуться к основам.

— М-м... Возможно. Мне казалось, для этого не было времени, но ты, наверное, права...

Она убрала текст для подготовки и открыла файл с руководством по основам. Обложка у него была вполне типичной для военных учебников: не презентабельной. Крена сразу захотела закрыть его, но недовольство пришлось проглотить.

Она пролистнула до нужной главы и начала читать, нахмурившись, а Анжу вернулась к теме:

— Быть может, эти специальные лекции устроили, чтобы у нас не было времени подумать над ситуацией. Но...

— Ага. Просто перестать думать мы не можем, но и не хотим, чтобы эти размышления нас отвлекали, — закончила Крена.

Обе девушки вздохнули, вспомнив об одном человеке.

— Лена... — произнесла Крена.

— Все ли с ней будет в порядке?

□

Лена была в форме, но в чемодане позади нее лежала гражданская одежда. Еще внутри находились предметы первой необходимости и пара поэтических сборников, которые она читала. И ничего связанного с работой. Рядом с багажом виднелась переноска Фипи.

Поблизости стояла удрученная Лена, понутив плечи.

— Мне жаль... — сказала она.

Они ждали транспортный самолет на аэродроме базы. Держа переноску с котом в одной руке, Шин качнул головой из стороны в сторону. Кот не переставая мяукал, будто прося о чем-то.

— Тебе не за что извиняться. Я просто рад, что заметил прежде, чем ты бы перенапряглась.

Он заглянул в лицо Лены — а она не только хмурилась, но и была немного бледна, — и мягко продолжил:

— Понимаю, может быть тяжело внезапно переключиться и уйти в отпуск, но думай об этом так: знать, когда следует отдохнуть, тоже часть работы.

□

— Она своими глазами видела крах Родины, вдобавок смотрела, как многих людей изрешетили пули, как многие сгорали заживо. Должно быть, ей нелегко пришлось. Даже нас это поколебало, представь теперь, какого ей.

— Угу... От одних воспоминаний становится тошно, — кивнула Крена, закусив губу.

То, как Легион безжалостно истребил столько невинных... Как Республика беспощадно застрелила ее маму с отцом. Во время боя в Республике и позже, когда они отступали, Крена могла сохранять самообладание. Тогда она даже не думала об этом.

В разгар сражения было некогда ворошить смерть родителей, она сосредоточилась исключительно на марше и безопасности тех, кто рядом.

Но стоило им вернуться на основную базу — обратно в комфорт подобия дома, — стоило ей добраться до своей комнаты и наконец-то расслабиться, как нахлынули воспоминания, вороша старые раны.

Она видела во сне убийство родителей и проснулась с криками. Лишь когда прибежала девушка из соседней комнаты, которая состояла в ее взводе, и спросила, что случилось, Крена осознала, что это был лишь сон.

«Ты в порядке?!»

Крена оцепенела и не могла ответить на вопрос встревоженной девушки. Та сделала горячий какао — в каждой комнате был электрический чайник, — и только когда она выпила его, смогла успокоиться.

Так было несколько ночей. Крена начала бояться ложиться спать, а спустя какое-то время, когда она уже подумывала проконсультироваться с медперсоналом в случае, если не сможет нормально отдыхать, кошмары прекратились. Сейчас все было в норме, но...

— Мне не нравится видеть смерти людей... И мне больно от мысли о том, что лейтенант Альдрехт и все те «восемьдесят шесть», которых мы не знали, пострадали так сильно, что возжелали такой же ужасной участи другим...

— Да уж...

Видеть, как таких же «восемьдесят шесть» переполняет столько ненависти, наблюдать жуткие и страшные смерти — это болезненный опыт, даже если через эти мучения проходили не они. Поистине тягостный, даже для «восемьдесят шесть», привыкших смотреть на изуродованные тела... взирая на людей на грани, когда ранения были не совместимы с жизнью, но не давали умереть быстро. Некоторые обратились за консультацией после операции, и были вынуждены взять отгулы, чтобы восстановиться.

И хотя Лена — королева «восемьдесят шесть», Республика была ее родиной, а народ в ней — ее соотечественниками.

— По крайней мере Шин приглядывал за ней и заметил, что она перестала есть.

Осознав, что что-то не так, он спросил младшего лейтенанта Першман, которая также подтвердила, что Лена не высыпалась. Шин понял: своим характером она доведет себя до края — и потому обратился к Грете, которая сразу назначила прием у бригады психического здоровья.

В итоге Лену освободили от обязанностей на месяц и дали отгул, и сегодня она должна была улететь на транспортном самолете.

□

Указания врачей шокировали Лену, чуть позже она пала духом и чувствовала себя виноватой. Дни после приема до перелета она провела в унынии.

— Дастин и Аннет вроде в порядке... Почему только мне велели отдыхать?..

— Я слышал, Дастину тоже сказали воздержаться от участия в боевых действиях, так что мы не можем взять его на следующую операцию. А Рита вообще на полях сражений не была.

Лена надулась и проворчала:

— Ее зовут Аннет, Шин...

— Будет тебе, можешь ведь пропустить это мимо ушей, — хихикнул Шин.

— Нет. Зови ее Аннет.

— Ладно-ладно, пусть будет Аннет... Позаботься о себе, Лена.

Услышав это, Лена наконец-то смогла слабо улыбнуться.

— Постараюсь.

Затем она хлопнула в ладоши и наклонилась вперед, пытаясь подбодрить себя.

— Насколько я знаю, в медучреждении, куда меня направили, есть собственное ранчо, и там они учат, как обращаться с животными. Подумываю сходить туда. Может, даже на лошади научусь ездить! А ты умеешь, Шин?

— Ни разу не ездил верхом... Я учился управлять мотоциклом: это было частью подготовки, даже получил водительское удостоверение.

Мотоциклы использовались для разведки, автомобили — для перемещений, и несмотря на то, что Шин пилотировал фердрес, для него выделили учебное время и провели базовое обучение по управлению других транспортных средств. Он не справился бы с большими прицепами и тому подобным, и также с лошадьми, которые в настоящее время использовали только почетный караул и разведывательные подразделения в определенных регионах.

Шин лукаво улыбнулся ей.

— Только прежде тебе бы научиться разбивать яйца.

— Я умею их разбивать, и ты это знаешь! Мы оба выбрали готовку в качестве дополнительного занятия!

Был момент, когда они учились в школе в Фортрапиде во время запланированного отпуска. На это занятие вскоре приходило больше учащихся, чем сразу после учреждения ударной группы, и именно на нем Лена узнала, что разбивать яйца можно не молотком, а Шин обнаружил, что, если следовать рецепту, еда у него получалась вполне достойной.

Если следовать рецепту, да...

Младший лейтенант Першман подошла к ней. У нее были зеленые глаза и алые волосы, стянутые в узел. Точеная фигура, в серебряной оправе очки, держала спину она прямо.

— Я сказала подобрать вам послушную лошадку, — категорично заявила она. — Еще я слышала, что руководитель медицинского учреждения готовит потрясающий омлет, так что вам следует попросить научить вас... Возможно, вы станете готовить лучше одного капитана, чье имя я опущу, который все никак не может взяться за простое взбивание яиц.

Шин поднял руки, будто говорил, чтобы прекратили над ним подшучивать.

— Вы, похоже, получаете от этого удовольствие, младший лейтенант? — смогла улыбнуться Лена, хотя все еще немного вымученно.

— Да, есть такое... Полковник, вы в отпуске. Попытайтесь развеяться.

— Хорошо...

□

— Честно, я немного завидую Лене... Должно быть классно уйти в отпуск, — задумчиво сказал Рито, откинувшись на спинку стула, и глядя в потолок.

— Ты правда считаешь, что это классно? — спросила Мика, сидящая напротив, подпирая рукой голову.

— Конечно нет, — равнодушно отозвался Рито.

Он никогда бы не оставил своих товарищей, чтобы покататься по стране, и Лене, вероятно, в той же степени не нравилась эта идея. Более того, едва ли ей было по нраву оставлять Шина на поле боя.

— В смысле, ты погляди на нас сейчас. Мы отдыхаем, так как нам сказали, что надо, но... мы все вроде как на взводе.

Им казалось, будто они должны что-нибудь сделать... будто им нельзя сидеть сложа руки. Но делать в этой ситуации было нечего, что оставляло их в растерянности.

— Как раз потому, что мы запаниковали и оторопели... нам и велели нормально отдохнуть, — сказала Митихи.

Им сказали взять перерыв, чтобы избавиться от конфликтной раздражительности или, если не получится, проглотить ее и подавить.

— Так они хотят уложить нас по кроваткам, типа мы раненные?

— На мой взгляд, в этом нет ничего плохого.

В восемьдесят шестом секторе в каждом отряде было неизменное число бойцов, поэтому даже раненые и больные не могли быть освобождены от битв. В это сложно поверить, но теперь им позволялось разбираться с умственным и эмоциональным ущербом.

— Для Клода это, наверное, тоже хорошо, — скосила взгляд Шиден на одну сторону стола. — Получилось отыскать своих брата и папу.

— Только он явно на них злится, и сильно.

— Любой бы злился, учитывая, как оно было...

Его сводный брат со стороны отца был Куратором отряда Клода: он не раскрывал себя и сражался с ним до первого крупномасштабного наступления. Позже Клод потерял с ним связь. Тогда брат настолько стыдился, что не мог назвать своего имени, но теперь, когда Республика пала, он вызвался добровольцем из беспокойства за военную ситуацию.

Шок от такого открытия немедленно пробудил в нем злобу — что само собой, ведь разум Клода занимали мысли, что брат мог погибнуть в крупномасштабном наступлении. На первой их встрече, организованной военными Союза, Клод так сильно разгневался, что пришлось отложить беседу на потом.

Тору, Грете, старушке и священнику пришлось вмешаться и успокоить его, потом они убедили согласиться на еще одну попытку. Но даже тогда Клод кричал на брата, спрашивая, как тот посмел высунуть свою рожу.

Настроение Клода упало, когда взгляды остальных устремились на него. Одно только упоминание о брате нервировало его.

— Ну, можно сказать, разборки с говнюком хорошо меня отвлекли.

— И не только тебя... — вяло отозвался Тору, сидящий рядом с ним.

Тору хоть и был его ближайшим и старшим товарищем, но он никогда не видел, чтобы Клод так сильно злился. И находиться рядом, когда он пребывал в таком расположении духа, было изматывающим. Тем не менее как заметил Клод, это помогало отвлечься от всякой всячины, вроде истребления граждан Республики, ненависти Пастухов, в которых поселились разумы их павших товарищей, и необоснованной неприязни республиканцев.

Все это было лишними заботами, занимающими Клода и Тору. И, быть может, присмотр за Клодом также помогал старушке и священнику, навсегда потерявшим свою страну.

— Но, Клод, пора бы уже простить своего брата. Если будешь сильно пренебрегать им, он просто будет держаться обособленно. А если с одним из вас что-нибудь случится, другой будет жалеть всю жизнь.

— Заткнись... Без тебя знаю, — горько сощурился Клод. — Поговорю с ним в следующий раз.

Затем он перевел взгляд белоснежных глаз на Рито.

— Кстати об отвлечениях, тебе, наверное, еще тяжелее, Рито. Не хотел бы попробовать занять себя чем-нибудь?

Рито вздрогнул, когда его окликнули. Скорее всего, Клод имел в виду убийство Альдрехта.

— О, я-то? Я в норме...

Тут же отозвались Шиден, Мика, Митихи и Тору.

— Не мучай себя.

— Уничтоженный тобой Пастух когда-то был человеком, которого ты знал, понимаешь, в чем дело?

— Чем дольше крутятся мысли в голове, тем тяжелее на душе. Даже Лене понадобился отгул.

— Если это давит на тебя, обязательно отдохни. Либо так, либо прислушайся к Клоду и найди себе отвлечение.

— М-м... — произнес Рито, взяв небольшую паузу. — Ладно. Я попрошу отгул и завтра уйду с базы. Может, смогу развеяться или почитать странные книжки в библиотеке и поесть пирожные в кофейне.

— А что, библиотека открыта?

— Там сейчас только главный библиотекарь и его жена. Они продолжают выдавать книги, а также занимаются проецированием фильмов вместо театра и рассказывают истории детям Варгов.

— Столовая и военторг на базе тоже что-то хотят провести. Если тебе нужно сменить обстановку, сходи куда-нибудь, — сказал Шин, вошедший в помещение.

Раз он пришел сюда, значит, Лена уже вылетела. После него с лекции вернулся Райден, затем показались Крена, непонятно от чего измученная, и спокойная Анжу.

— Предлагать это может быть поздно, но давайте устроим вечеринку перед следующей миссией. Отпразднуем Хэллоуин и поднимем моральный дух.

Большинство работников в столовой и военторге, по сути, были не солдатами, а гражданскими, которые просто поступили на военную службу. Когда фронт отступил, и база стала ближе к военным действиям, чем когда-либо прежде, они, конечно, боялись, но в то же время делали все, что могли, чтобы поддерживать дух. Вечеринка также будет хорошим способом выразить благодарность за их труд.

— Звучит прикольно, я за! — сказал Рито, поддавшись вперед. — И, кэп, можешь переодеться в жнеца!

— Нет, костюмы не обязательны, поэтому я не буду ни в кого переодеваться, — качнул головой Шин.

— Брось, так надо. Расшевелим остальных, понял? — отрезал Райден.

— Перестать улыбаться значит проиграть, верно? — хихикнула Анжу. — И давайте заодно полюбуемся луной, как того хотел Куджо-кун, — улыбнулась она.

— А? В смысле «полюбуемся луной»? Чего мы там не видели-то? — отреагировал Клод, не зная об этой традиции.

— Кто сделает лунные пирожные? — заинтересованно спросила Митихи, понимающая, о чем шла речь.

Все озадаченно переспросили: «Лунные пирожные?».

□

— Дастин, найдется минутка? Мне тут дали пожелания на показ.

— А, спасибо.

По пути в столовую Марсель пересекся с Дастином и окликнул его, после чего передал ему блокнот. После строгого предупреждения команды по поддержанию психического здоровья было решено, что Дастин не примет участие в следующей операции. Ему также сказали временно отказаться от тренировок, так что, несмотря на всякие разные мысли, занимающие разум, свободного времени у него было вдоволь. Именно поэтому он начал организовывать вечера кино.

Каждый день менялся жанр — экшен в один, романтика в другой, — он раскладывал стулья в пустом конференц-зале и приглушал свет, чтобы воссоздать атмосферу кинотеатра. Услышав про задумку Дастина, Оливье и другие прибывшие с Альянса попросили персонал военторга установить прилавки и продавать попкорн и газированные напитки.

Показы фильмов всегда были успешны. Кто-то из процессоров запросил марафон ужастиков-сплэттеров, и Дастину пришлось задуматься, хорошая ли это идея, учитывая последнюю операцию. Он не был в зале лично, но поставил следить за всем Вика. Тот понаблюдал, и, вопреки опасениям Дастина, процессоры весело смеялись, особенно в моменты, когда кровь разбрызгивалась по всему экрану, будто сок спелого помидора.

Дастину оставалось только смириться с тем, что это был один из способов снять стресс.

Западный фронт Союза был ближе, чем при формировании ударной группы... даже ближе, чем при спасении Шина и его группы два года назад. После операции по оказанию помощи Республике, закончившейся, по сути, разгромом, большинство «восемьдесят шесть» оставались на базе и никуда не уезжали.

Родина Вика, Объединенное королевство, также продолжала отступать последний месяц. Связь

не обрывалась, поэтому он знал, что его отец, король, и брат, кронпринц, еще живы. Южные сельскохозяйственные районы стали полем боя, но им все еще удавалось собирать урожай. Тем не менее никто не говорил, что будет после приближающейся зимы.

Дастин благодаря своей задумке смог отвлечься от этих мыслей. И еще он, как планировщик, мог в качестве бонуса занять лучшие места на романтических фильмах, которые захочет глянуть Анжу, и, если выдастся возможность, посмотреть их вместе с ней.

Правда, за это Зайша и Аннет наградили его презрительными взглядами. Что напомнило ему...

— Слушай, Марсель... Я за последние несколько дней ни разу не видел Аннет. А ты?

Марсель задумался, прежде чем ответить.

— Кстати я тоже не припомню, чтобы видел ее. Интересно, куда она запропастилась?

□

Сео находился на базе на окраине столицы Гиаде Санкт-Йеддер. По сравнению с прошлым месяцем сейчас в коридорах было полно резервистов, собравшихся на практические учения. Сео шел через проход с новыми сослуживцами, неся учебные материалы, и остановился, когда заметил знакомый серебристо-белый блеск.

— Ты чего, Сео? — спросил один из сослуживцев.

— О, да так, показалось просто, что увидел знакомого человека...

Разыгралось воображение? Нет, он еще раз оглянулся и увидел знакомую. Ее форма цвета берлинской лазури сильно выделялась на фоне большого количества униформ Союза цвета стальной синевы, так же, как и стройная фигура, неподобающая солдату. Она уходила с выражением лица суровее и мрачнее, чем он когда-либо замечал за ней...

— Аннет?..

Что она здесь делала?

□

Дастин и Марсель вошли в первую столовую прямо перед обедом. Началась бодрая трапеза, однако даже тогда Аннет нигде не было видно. В помещение заходило все больше народу, и

тогда вошла Грета вместе со своим помощником, это означало, что они сделали перерыв в работе. Шин поднял руку и указал на два места для них. Они выглядели уставшими, поэтому Райден сразу выдвинул стулья, а Тору и Клод пошли за подносами.

— Спасибо.

— Не за что... Полковник, вы не знаете, где Аннет? Она не пришла провожать Лену.

Шин задал вопрос будничным тоном, но Грета и ее помощник ненадолго умолкли.

— Она уехала по делам в Санкт-Йеддер... К детям «восемьдесят шесть». К тем, кто слишком юн, чтобы идти на поле боя.

Неописуемая тишина повисла в воздухе. Озадаченные Райден, Анжу, Крена, Шиден и Рито уставились на Грету. Шин тоже недоумевающе посмотрел на нее.

— Но в восемьдесят шестом секторе не осталось детей настолько младшего возраста...

Он обсуждал это с Леной однажды, давным-давно, еще когда они не встретились лицом к лицу.

«А “восемьдесят шесть”? Сколько их осталось?

Нас хватит, может, на два-три года. Размножаться в лагерях запрещают, а многие из тех, кто был еще младенцем во время переселения, попросту погибли».

В восемьдесят шестом секторе не было ни нормальной медицины, ни санитарии, и большинство младенцев, чьи родители или опекуны погибли, не пережили первую зиму. Те немногие, кого продали за стены, не вернулись.

Ребята младше Шина на три года — Рито один из них — были самым молодым выжившим поколением «восемьдесят шесть». В восемьдесят шестом секторе, где детей посылали сражаться в раннем подростковом возрасте, не существовало такого понятия, как «слишком юн для войны».

Таких детей не должно было остаться в восемьдесят шестом секторе.

— Вот как... Да, для вас это должно выглядеть именно так, — тихо вздохнула Грета. — Но факт остается фактом: они есть. Процессоры, которых мы спасли вместе с ними, также были шокированы. Они думали, что детей уже не осталось, и их истории о суровой жизни в лагерях говорили сами за себя. И все же Союз надеялся на то, что кто-то да выжил.

Союз попросту не понимал, насколько ужасная жизнь была в концлагерях. Они не осознавали всю серьезность, из-за которой никто из живших там не мог поверить, что младенцы выживут.

Детей вывезли, представляете. Ребят, которые не могли сражаться, или которые стали недееспособны для этого.

Среди вызволенных Союзом «восемьдесят шесть» были дети: слишком юные для битв; кто получил увечья в сражениях; кто отказался поступать на службу. Их отправили в учреждения или приняли в приемные семьи.

Союз принял детей, которых не должно существовать.

Фиолетовые глаза Греты наполнились ненавистью и отвращением.

— Тех маленьких, кто выдержал болезнь или холод, продавали, так? И отправляли их обратно в стены Республики...

□

Дом его «новых мамочки и папочки» в Санкт-Йеддере был большой и красивый. Большой настолько, что он, с детства привыкший к тесным и обшарпанным баракам в лагере для интернированных, ощущал себя не в своей тарелке.

До того, как вернуться в лагерь, он, сколько себя помнил, бывал в другом просторном, прекрасном особняке, и этот новый дом напоминал о нем. Это также пугало его и тревожило.

Он жутко боялся, но знал, что, если покажет страх, на него наорут. Поэтому он фальшиво улыбался, и вроде как новые мамочка и папочка остались довольны.

Хозяин тоже требовал улыбку. И чтобы ему угодить, он также фальшиво улыбался.

Он почувствовал покалывание и тепло в затылке.

«Грязная свинюшка.»

Где-то в ушах раздался чей-то голос — голос того, кто не мог находиться в этом доме. Он застыл. Его снова затащили в просторный, прекрасный особняк и подвели к тесной, холодной клетке хозяина.

«Грязный свин. Мой милый, немытый свинтус. Что ты такое? Скажи. Своим голосом».

Это проклятье врезалось в его разум еще тогда.

— Я грязный свин, который должен радоваться заботе хозяина.

Ему нужно было это сказать. Когда его спрашивали, он был обязан отвечать сразу. Иначе произойдут ужасные вещи. Высекут, бросят в ледяную воду или даже убьют, как убили младших сестер.

Хотя, когда он отвечал правильно, хозяин все равно делал с ним жуткие вещи. Его младшие сестры все умерли, выжил лишь он один. Спустя какое-то время хозяин сказал, что больше в нем не нуждается, и отослал обратно в концлагерь.

Затем Республика пала от натиска Легиона, и его, все еще юного ребенка, переселили в лагерь для интернированных в Союзе, где его усыновила нынешняя семья.

Однако...

«Хорошо. А теперь слушай следующие указания».

Хозяин выдает очередной приказ... Его усыновили во второй раз, а хозяин снова начал приказывать. Только теперь, в отличие от того особняка, приказывали лишь голосом. Хозяин больше не показывался, но, будучи невидимым, продолжал давать указания.

Поспрашивай у своего отца по поводу этого. Докучай своему отцу, скажи, что хочешь знать, куда отправится какое-то подразделение. Иди к раненым «восемьдесят шесть», скажи, что желаешь им здоровья, и вытяни из них сведения.

Только голос хозяина. С тех пор как ему давали новые указания, он ни разу не видел этого человека. Но его продали в Республику с малых лет. Ужас воспитывался в нем и контролировал столько, сколько он себя помнил.

Страх последствий послушания отпечатался на каждой кости, поэтому он подчинялся хозяину даже сегодня. И из-за страха толком не мог осознать, что теперь хозяин не тронет его, находящегося под защитой Союза.

Ему приказывали, он должен был подчиниться. Только об этом разрешалось думать, так что даже сегодня ни на что другое он способен не был.

— С удовольствием. Я сделаю все, что вы мне скажете.

Только такой ответ разрешалось дать.

«Хороший мальчик. Итак...»

Хозяин заговорил другим голосом, не тем, какой был у человека, который владел им и сестрами. Иной голос, принадлежащий кому-то другому. Но им приказывали и требовали послушания, поэтому и этот кто-то другой был хозяином.

Я должен подчиняться.

Должен.

Должен.

Должен.

Абсолютно любой приказ, даже страшный и болезненный. Все, что они скажут, я должен исполнять.

«Как и всегда, расспроси своего отца: на какое поле боя “восемьдесят шесть” отправятся дальше?»

□

Тома Атис был сотрудником по снабжению и связям в военном штабе Санкт-Йеддер. График у него стал насыщенный и напряженный после второго крупномасштабного наступления, которое привело к отступлению со всех линий фронта. Но сегодня у него наконец-то выдался выходной. Он спокойно проснулся, поздно и неторопливо позавтракал, выпил кофе, свежесваренный женой, и взялся за чтение книги, которую оставил на середине.

Днем он хотел пойти в супермаркет вместе со своими женой и сынишкой, чтобы заранее закупиться к Рождеству. У Тома было две биологических дочери, обе к этому времени уже вышли замуж, а сына он усыновил примерно год назад.

С того дня на лице мальчика постоянно висела неестественная улыбка. У Тома сложилось впечатление, будто тот постоянно чего-то боялся. Он понимал, что в прошлом с мальчиком случилось что-то ужасное, но расспрашивать не собирался. Воспоминания о тех событиях могли разворошить старые раны, в конце-то концов, и он не хотел заставлять напуганного ребенка проходить через мучения.

Вдруг Тома услышал громкий стук в парадную дверь.

— Кто это? — произнес он.

— Мы ждем гостей? — спросила его жена.

Атисы были семьей из низшего дворянства, преемниками рыцарского дома, и когда Империя стала Союзом, их лишили титула и владений. Им разрешили оставить скромное состояние, которое включало небольшое поместье в столице. Тома прошел по залу, слишком просторному для семьи из трех человек, и подошел к двери.

— Полковник Тома Атис, все верно?

Когда Тома открыл дверь, его встретила группа незнакомых людей, но тем не менее в знакомой форме Союза цвета стальной синевы. На нарукавных повязках виднелись буквы «ВП». Что делала военная полиция на пороге дома Тома, когда у него был выходной?

— Верно. А могу я узнать, чт...

— Простите.

Офицер во главе группы мягко, но настойчиво протиснулся мимо Тома и вошел в дом. Его жена выглянула посмотреть, что к чему, но второй вошедший солдат придержал ее. Дойдя до гостиной, офицер молча присел на колени. Напротив него, на диване, сидел мальчик Тома, явно напрягшийся от неожиданных событий.

— Рен Атис, перед усыновлением нынешней семьей тебя звали Рен Кайо, все верно?

— Да...

— Проверьте его.

Он велел сопровождающему военному полицейскому подойти к мальчику, которого уже подняли и развернули спиной — силу не применяли, но сопротивляться явно не позволяли. Непрекращающееся принуждение маленького ребенка разозлило Тома.

— Что вы творите?!

Он приблизился, но на пути встал другой военный полицейский. Стуча каблуками, худая девушка зашла внутрь через открытую парадную дверь. У нее были короткие серебряные волосы и глаза того же цвета. Непривычная военная форма цвета берлинской лазури с классическими болеро и юбкой.

Форма цвета берлинской лазури... республиканская.

Увидев эту форму и цвет волос и глаз девушки, ангельское лицо сына исказилось от такого ужаса и страха, каких Тома никогда еще не встречал.

— А-а-а-а!..

Аннет в ответ на такую реакцию скривилась, но почти сразу отстранилась и заговорила, указав пальцем на затылок подавленного мальчика-«восемьдесят шесть»:

— Здесь. Сканируйте.

Военный полицейский включил простенький сканер. Этот прибор был в ходу у военных врачей, его доводили до ума полевые бригады медиков армии Союза на протяжении десяти лет боев с Легионом. Он диагностировал переломы и быстро находил в теле пули или осколки.

Экран, показывающий наличие инородных объектов, засветился, устройство запищало.

□

Большой конференц-зал объединенного штаба западного фронта. Начальник штаба, Виллем Эренфрид, отключил парарейд после того, как выслушал донесение.

— Подтверждено... Жучок в Санкт-Йеддере ликвидирован.

†

— Я уже давала отчет по этому вопросу, источник утечки не парарейд, начальник штаба Эренфрид.

— Да, я помню. Но вы уверены на сто процентов, Анриетта Пенроуз?

Когда Аннет не потрудилась скрыть свои подозрения и сомнения, начальник штаба продолжил.

Ночь, кабинет Аннет. Основная база пустовала, поскольку ударная группа была в Странах флота.

Что касается серии случаев, в которых Легион слишком удачно готовился к перехвату ударной группы, словно бы знал, куда та отправится — Виллем убедился, что источником утечки является Республика, когда офицер этой страны легкомысленно встретился с подразделением в Альянсе.

Виллем тайно следил за ним и расследовал подноготную, и ответ удалось узнать без допроса.

Он не работал на Легион, разумеется, но его беспечные беспроводные коммуникации, вероятнее всего, перехватывал враг.

Оставался вопрос, откуда информация утекала в Союзе и как. И да, проблема была вовсе не в связи через парарейд во время самих операций.

— Рейд-устройство разработали военные Республики для внутреннего пользования, — сказал Виллем. — Союз лишь скопировал его. Технология Чувственного резонанса применялась только армией, а значит солдатами. Верно ли это предположение?

— О чем вы хотите...

— Технология, что позволяет одному человеку разделять чувства с другим, не ограничиваясь расстоянием и физическими препятствиями. Это нелегко, чтобы подобное изобретение приспособили только для военных коммуникаций. У нее ведь столько возможностей в других сферах.

Например, с помощью нее и подчиненных заключенных можно следить за концлагерями. Или безопасно проводить детальный мониторинг испытаний над людьми, когда ведутся эксперименты со смертельными болезнями. Или банально смотреть увлекательные «шоу гонений», имевшие место в лагерях.

— Военные Республики могли делать с «восемьдесят шесть» все что угодно, в конце-то концов. Для республиканских солдат они были бесправными нелюдьми, скотом в человеческом обличье... О, пардон. Я не пытался язвить.

Говоря, Виллем — его черные глаза, наполненные ледяным холодом, ничуть не соответствовали улыбке на губах — заметил, как постепенно цвет отхлынул от лица Аннет. Он не был циничным, просто констатировал факты.

Но, по существу, Анриетта Пенроуз хоть и была молодой девушкой, но также и военным майором, которая вызвалась переехать в Союз, прекрасно осознавая, как остальные будут на нее смотреть. Обращаться с ней как с юной девицей, неспособной взглянуть прямо в глаза суровой реальности, было бы оскорблением.

— Если существуют рейд-устройства, о которых военные Республики не знают, по крайней мере часть, и которые имплантировали для невоенных целей, вероятно, подпольно, вы сможете их обнаружить? Или, не знаю, есть какое-то технологическое ограничение, делающее это невозможным?

Аннет еще мгновение оставалась неподвижной и побледневшей. Виллем наблюдал за ней: как он и ожидал, она вернула самообладание. Девушка соображала быстро, она отбросила любые этические аспекты и здравый смысл, которые могли помешать ей сделать вывод. Чувствовать вину сейчас было некогда.

— Да. Это не невозможно. В техническом плане.

Существование рейд-устройства вне поля боя и его использование в качестве жучка — оба варианта были возможны. Аннет кивнула и посмотрела на него, ее серебряные глаза сверкнули решительностью.

— Я поняла, начальник штаба Эренфрид, — сказала она. — Я проверю старую документацию в лаборатории. Если найду какие-нибудь записи о неустановленных рейд-устройствах, мы сможем приступить к их обнаружению.

†

— Принято... — кивнул военный полицейский. — Судя по всему, ресивер на стороне Республики также схватили. Благодарим за содействие, майор Пенроуз, — склонил он голову перед Аннет, выключив рейд-устройство.

Они вернулись на базу в Санкт-Йеддере, военные полицейские охраняли переговорную комнату: никого не пускали и не выпускали. Задержанные дети-«восемьдесят шесть» поголовно имели имплантированные кристаллы искусственной нервной системы — каждый такой был идентичен рейд-устройствам, используемым в восемьдесят шестом секторе. И это несмотря на то, что Союз извлек импланты в детях-солдатах, которым внедряли устройство, чтобы сделать из них процессоров Джаггернаутов.

— Они проживали в концлагерях, а не на поле боя. Мы не стали проверять их, так как посчитали, что дети были еще слишком юны, чтобы сражаться, — сказал капитан военной полиции. — Подумать только, что таким малышам будут подбрасывать рейд-устройства и использовать их как жучки...

Для группы военных размещение и перемещение подразделений и солдат было важной сверхсекретной информацией. Это вдвойне верно в отношении ударной группы, которая совершает строго засекреченные важные налеты на территории под контролем Легиона. Тем, кому важно было знать места развертывания и цели операции, не разрешалось раскрывать ничего из этого кому бы то ни было, даже членам семьи.

Но успокаивающая атмосфера в домах и присутствие близких развязывают языки некоторым людям. Бдительность усыпляется еще сильнее, когда вопросы задает невинный ребенок. И если этот ребенок — один из «восемьдесят шесть», спасенный из лап гонений и притеснений, и он интересуется успехами и хваленной службой старших «восемьдесят шесть», кто-то, возможно, почувствует необходимость ответить на вопросы.

— Так еще и все законные опекуны «восемьдесят шесть» из числа бывшей знати и правительственных чиновников, — продолжил капитан. — Это делает из них главный источник информации. Те, кто стоят за этим, вероятно, ожидали, что люди подобной величины согласятся стать опекунами, выполнив часть гражданского долга, и незадолго до нашего спасения «восемьдесят шесть» в тайне имплантировали эти устройства. Кто бы это не

придумал, он настолько же затейливый, насколько и бессердечный.

Пускай дети-«восемьдесят шесть» попадали под подозрения в утечке, именно из-за статуса их опекунов ушло столько времени на то, чтобы остановить это. Нельзя просто взять и без доказательств задержать ребенка высокопоставленных служащих.

Аннет, однако, была другого мнения. Ее взгляд наполнился осознанием.

— А... Это не совсем так. Все не настолько заумно, как вы озвучили.

Капитан военной полиции посмотрел в ответ на Аннет, чьи слова сочлились ядом. В его глазах она была просто девушкой, практически младшей сестрой — младше на много-много лет. Ее бледное лицо скривилось от неприязни.

— Более вероятно, они имплантировали рейд-устройства уже давно, а потом просто изменили их назначение... По сути, они — игрушки. Как только выполнили свое предназначение и надоели, от них избавились.

Свирепый и сердитый взгляд серебряных глаз исказился омерзением. Парарейд был полезен не только передачей звука. С его помощью можно обмениваться всем, что улавливают органы чувств. Зрение и слух считались практичными с военной точки зрения, но даже если остальные три сочли непригодными, это не значит, что ими нельзя воспользоваться. Парарейд можно настроить на передачу обоняния, вкуса и осязания. С ним можно разделять те же эмоции, как при общении лицом к лицу.

И они злоупотребляли этим.

Аннет стиснула зубы. Бесчинство. Как можно пойти на столь... бесчеловечные зверства?

— Они имплантировали рейд-устройства в детей, которых забрали из восьмьдесят шестого сектора, и потом игрались с ними. Пытали, насиловали... Убивали. И все это время они оставались синхронизированы осязанием и эмоциями через парарейд, наслаждаясь мучениями. А когда им наскучивало, выживших выбрасывали обратно в концлагерь.

□

Шин от удивления поднял взгляд. Очень уж удачно совпало время... это, конечно, не значит...

— Полковник Вензель... Не говорите мне, что именно поэтому вы отослали полковника Миризе?

Грета устало вздохнула. Она знала, что это логический вывод, и предположила, что кто-нибудь

обязательно спросит об этом.

— Нет, так получилось по чистому совпадению.

Шин взглянул на нее с сомнением, но Грета оставалась невозмутимой. Она продолжила спокойным, сдержанным тоном, словно учитель говорил с образцовым учеником, который тем не менее не учел самого очевидного.

— Перво-наперво, капитан Ноузен, это вы доложили мне по поводу плохого состояния полковника Миризе. Только из-за этого я отправила ее к бригаде психического здоровья... Кроме того, младший лейтенант Егер, кто также из Республики, все еще с нами, не забыли?

Шин моргнул. Когда все взгляды метнулись в сторону Дастина — он сидел в самом углу, точно забытая домашняя собака, — тот нервно поднял руку.

Шин действительно забыл сейчас про Дастина, поэтому постарался успокоиться. Как упомянула Грета, это он рассказал про плохое самочувствие Лены. Также выяснилось, что Аннет ушла посмотреть на детей-«восемьдесят шесть». То есть подразумевалась координация с контрразведкой армии Союза.

— Простите, полковник, — неловко понурил голову Шин, он покраснел.

Грета непринужденно улыбнулась.

— Не переживайте. Она вернется, как только ей станет лучше. Просто подождите.

□

Перед начальником штаба Виллемом сидел генерал-лейтенант, командующий западным фронтом, он кивнул и заговорил:

— Начальник штаба, сеть связи жучков может послужить и нам, правильно?

— Конечно. Легион заметит потерю источника информации лишь тогда, когда сообразит, что перед ним пресные новости без упоминаний сражений.

— Хорошо.

Чтобы гарантировать, что Легион не узнает про захват жучков, Союз задержал всех вовлеченных республиканцев. Так они могли изучить все детали, начиная с шифра, применяемого во время связи по жучкам, и заканчивая иерархией самих согладатеэв — это

позволит предположить, кто за что отвечает, и перепрофилировать сеть связи для собственных нужд.

За короткий разговор генерал-лейтенант понял, что даже свобода прессы Союза, которая вроде как должна гарантироваться, временно подавляется.

— Распространяйте ложную информацию о западном фронте, особенно пройдитесь по ударной группе. За две недели до развертывания подразделения мы можем вынудить Легион потратить ресурсы впустую на место, где ударная группа вообще не появится. Попутно закончите возведение оборонительного периметра и реорганизуите армию, все ясно?

— Задержек не предвидится, — ответил начальник штаба Виллем в отстраненной манере. — Включая железнодорожный рельсотрон Кампф Пфау. Мы планируем создать первую оборонительную линию руками добровольцев, набранных из числа беженцев Республики. За предательство Республики расплатятся ее жители, которые рискнут жизнями и здоровьем.

†

Генерал-майор в должности начальника штаба второго северного фронта Союза была женщиной из Дизариев с красивой кожей цвета ночи и гладкими черными волосами.

— Сейчас я пройду по нашей следующей операции.

Армия второго северного фронта состояла из трех бронетанковых дивизий, а это значило, что солдат и фердресов в ней было меньше, чем в западной с ее пятью дивизиями.

В отличие от главного театра военных действий на равнинах, местность которых сложно оборонять, второй северный фронт защищала большая река Хияно, делившая поле боя на северное и южное. Река мешала наземному вторжению, и с древних времен речные переходы служили естественным укреплением, разобщающим армию на два берега.

Бомбардировка спутниками вынудила армию второго северного фронта отступить, и это привело к тому, что они потеряли контроль над естественным укреплением.

Войска, в основном оборонявшие берега реки, были отброшены на открытую местность, они недолго продержатся против бронированных сил Легиона. Но армия Союза в целом испытывала нехватку людских ресурсов, поэтому надеяться на подкрепление не стоило. Восточный и южный фронты, на которых использовали природные препятствия, вроде гор и рек, чтобы побережь силы, также были вынуждены отступить, они, как и другие три северных фронта, остро нуждались в солдатах.

И чтобы преодолеть это затруднительное положение...

Начальник штаба заговорила. Это было совещание с участием фронтовых верховных главнокомандующих, начальников штаба, а также командиров бронетанковых дивизий и штабных офицеров, но у многих из них дел было невпроворот. Таким образом все, кроме начальников штаба, командующих фронтами, командиров бронетанковых дивизий и оперативных штабных офицеров, были лишь на связи, над пустыми сиденьями зависли голографические окна.

— Первоочередная задача заключается в том, чтобы продвинуть нынешнюю оборонительную линию вперед и восстановить ее вдоль реки. В то же время мы втянем всю зону конфликта в трясины, чтобы помешать продвижению бронированных войск Легиона. Для этого ударная группа «восемьдесят шесть» выступит передовым подразделением в операции по уничтожению противопаводковой дамбы.

□

Младший лейтенант Ноэль Рохи была одной из многих ротных командиров, размещенных вдоль второго северного фронта, и потомком местного рыцаря из низшей имперской знати. Она застыла на месте, когда только что получила очередной отчет о потерях: в нем говорилось, что в бою погибло еще больше ее народа.

Цуцури, Нукаф и Луреи погибли во время второго крупномасштабного наступления в прошлом месяце. В этот список добавились Кина и Элам.

— В моем подразделении никто не погиб. Почему в других так много смертей?

Она прикусила слегка подкрашенную губу, сжимая письмо от семей почивших солдат. От родителей, чьи сыновья ушли из жизни раньше их; жен, оставшихся без мужей; от братьев, у кого украли старших родственников; от младших сестер, лишившихся старших сестер; дочерей, горевавших об отцах, — через это письмо, написанное градоначальником, их яркие голоса зывали к ее сердцу.

«Принцесса, прошу вас. Дочь и принцесса мудрого и величайшего дома Рохи, правящего нашим городом. Не давай нашим детям умирать. Защищай свой народ. Освободи нас от тягот. Изгони механическую угрозу и проведи нас через этот катаклизм. Своей мудростью правителя, своей смелостью, своим милосердием, спаси нас, свой слабый и бедный народ».

— Будет сделано... Я же ваш правитель.

Ее глаза цвета какао наполнились горем, когда она кивнула. Дымчатый оттенок глаз был характерен для Кернов. Ухоженные, мягкие волосы того же цвета заплетались в косички, которые ниспадали на плечи военной формы.

Я не дам умереть кому-либо еще. Я не могу возложить бремя этой боли на мой драгоценный народ. Слишком много уже погибло за одиннадцать лет войны с Легионом: что в первом

крупномасштабном наступлении, случившемся прошлогодним летом, что во втором в прошлом месяце, когда пылающие звезды попадали с небес и стальное цунами обрушилось на земли.

Очень много смертей. Офицеры, унтер-офицеры и тем более несметное число солдат. При таком темпе оставшемуся народу придется заступить на службу. Война стоила им электростанции, делающей их город процветающим. Они потеряли работу и обнищали, не сумев вернуться к прежней форме хозяйствования. Теперь, когда второе крупномасштабное наступление вынудило их эвакуироваться, осталась только армия — лишь так они обеспечат своим семьям крыши над головами.

И в этот раз смертей будет еще больше. Она не позволит этому случиться.

— Должно же быть здесь что-то неправильное, или кто-то неправый. Ну не сходится тут. Как еще можно обосновать столько смертей?

Точно. Это было ненормально. Нет никакого смысла в том, что люди погибали пачками. Столько гибнущих — это нездорово. Эта страна, ее правительство, президент и знать — все они недобросовестны и пренебрегают жизнями людей. Они не выполняют свою работу, и вот чем это обернулось.

Но еще не поздно все выправить. Если есть ошибка, тогда ее нужно исправить. Да, даже сейчас еще не поздно... пускай сделать это придется ей самой.

— Должно быть что-то, на что я могу повлиять... Думай, Ноэль.

†

Новость о «жучках» не озвучивалась публично и не раскрывалась даже военным Союза, но вовлеченных тайно вызвали на опрос.

— Хм-м... по-моему, это Рен Атис заходил в мою палату в госпитале.

— Что вы ему сказали?

— Ничего. Он говорил с моим соседом по койке, Кигисом, спрашивал, где проживает его отец, но ударную группу они не обсуждали.

Когда Сео отвечал на вопросы военного полицейского, ощущал неприятное покалывание в затылке... в месте, куда имплантировали рейд-устройство в восемьдесят шестом секторе, чтобы его нельзя было удалить.

Выходит, у того мальчика-«восемьдесят шесть», который пришел в госпиталь с визитом, тоже

такой был. Он заходил, держа за руку одетого в форму приемного отца, к Сео и остальным в госпитале, хотя никого из них не знал. Разум Сео, как и соседей по койке, на тот момент целиком и полностью занимали его собственное ранение, чтобы засомневаться.

Теперь он осознал, насколько это было неестественно: зачем ребенку, кто не мог пережить восемьдесят шестой сектор, навещать незнакомых «восемьдесят шесть»? Ответ был до боли очевиден сейчас, стоило лишь об этом подумать.

— И к тебе тоже, Рикка? — спросил Юто, находившийся в одной комнате с Сео. — К нам заглядывал кое-какой малыш. Наверное, он же.

— В мою палату приходила девочка, — сказала Амари, проходящая реабилитацию в том же учреждении. — Хотела проведать старших сестер «восемьдесят шесть», как говорила.

Военный полицейский расспрашивал, о чем интересовались дети, и что им отвечали. Вскоре опрос был закончен.

— Спасибо вам за сотрудничество... Свяжитесь, если вспомните что-нибудь еще.

— Хм-м, а можно и нам кое о чем узнать? Что будет с пойманными детьми-жучками?

Военный полицейский буднично кивнул.

— Да, понимаю ваше беспокойство. Мы удалили рейд-устройства, сейчас опрашиваем про граждан Республики, которые приказывали собирать сведения.

Видя перемену в лице Сео, военный полицейский повел бровью.

— Это опрос, а не допрос. Знаю, солдаты вроде вас недолюбливают военных полицейских, но с детьми плохо обращаться не станут. У нас как бы есть дома, куда мы возвращаемся, и семьи, в чьи глаза мы будем смотреть после.

— А что насчет их домов? — тихо спросил Юто.

— По возможности вернем... но так сказать сложно. С их приемных родителей придется спросить за нарушение официальных инструкций. И кто скажет наверняка, захотят ли они снова взять детей после того, как стали соучастниками в разглашении информации? Ну а если нет, в столице есть детские дома, так что на улицу выброшены они не будут.

— Нам нельзя взять их к себе?

— Что, хотите поиграть в семью и вырастить детей, сражаясь на войне? — саркастично улынулся военный полицейский. — Вы операторы. Ваша работа — уничтожать Легион. Нельзя, чтобы вы легкомысленно относились к такой ответственности.

Он говорил резко, но непринужденно. Будто хлопнул по носу лающую собаку. И именно из-за этой небрежности, а не резкости, Сео и остальные нервно сглотнули. Упрек в его словах прозвучал настолько привычно, будто он дрессировал охотничьих псов.

Военный полицейский не заметил молчаливую настороженность молодых солдат. Или, быть может, попросту не обратил внимания.

— И потом, нам еще надо согнать и проверить остальных «восемьдесят шесть», у кого неизвестно, есть ли жучок.

— Согнать?! — напряженно поднял голову Сео.

— А, простите за выражение. Мы не станем сгонять тех, кто заступил на службу, как вы. Вас уже проверили на рейд-устройства, к тому же успехи ударной группы нам известны. Вы усердно трудились. Речь не о вас, а о «восемьдесят шесть», которые не в армии.

Сео дал военному полицейскому продолжить. Тот, похоже, не замечал или ему было все равно на то, что думали Сео и молчавшие Юто и Амари.

— Кроме того, в то время, когда мы задерживали жучки, несколько человек ушли из семейных домов и учреждений и пропали без вести. И хотя они не являются источником утечек, подозрения все же вызывают. Мы хотим как можно скорее вернуть этих девушек под нашу защиту... Чем больше у нас средств против эвакуированного правительства Республики, тем лучше.

†

Когда снаряды пролились с небес, будто свершился божественный суд, и последовал натиск несметного числа Легиона, второй северный фронт был вынужден отступить, оставив после себя множество погибших, раненых и пропавших.

Чья это была в итоге вина? Кто заслуживал порицания? Этот вопрос сжигал изнутри Меле, молодого солдата с северного фронта.

У Меле не было ответов, зато одно он знал наверняка: с тех пор, как Союз встал у руля, абсолютно все складывалось не так.

Одиннадцать лет назад, еще когда Гиаде значилась Империей, Меле был обычным мальчишкой. Его родной город стал процветающим благодаря построенной современной

электростанции. Когда произошла революция, все взрослые твердили, что город будет местом еще лучше.

Но ни к чему хорошему это не привело.

Электростанцию забросили: из-за революции и войны. Всем детям пришлось ходить в школу, чего раньше с них не спрашивали. Город обнищал, жить стало труднее.

Раньше не надо было думать над трудоустройством в будущем. Они бы просто переняли профессию своих родителей. Но теперь обязательно надо было выбрать специальность, так еще и родители Меле потеряли свою работу — уборка электростанции. И вернуться к сельхозработам, которыми занимались их предки, не представлялось возможным.

Таким образом, не имея выбора, Меле заступил на службу. Но в армии его заставили пройти подготовку и обучение, чего он не хотел.

— И как так получилось? — проворчал Меле.

Его волосы Амберов были ячменного цвета. Голубые глаза он унаследовал от бабушки, ими он втайне гордился, так как принцесса из родного города в детстве сказала, что они красивые.

В эти десять лет одно плохое событие следовало за другим, так почему никто ничего не делает? Президент Эрнест, который возглавил революцию, или знать, офицеры и унтер-офицеры, заставляющие Меле проходить через то, чего он не хочет, — почему никто из них и пальцем не шевелит?

Случилось столько всего плохого, каждый знал, насколько все ужасно, так почему они немедленно не отреагируют? Это лишено всякого смысла.

Кто-то должен что-то сделать. Кто угодно... В этот раз нужно все сделать правильно.

□

— Я могу.

Ноэль вдруг поняла... способ есть. Способ покончить с Легионом. Средство избавления ее людей от гибели. Серебряная пуля, мигом дарующая спасение, и, точно синяя птица счастья*, она была в руках Ноэль все это время, сияя, будто ожидая своего часа.

[П/П: символ бессмысленной погони за счастьем или удачей, когда оно лежит прямо перед носом.]

И вот теперь, когда превосходное решение найдено, насколько же простым оно казалось. Почему президент и бывшая знать, и генералы не подумали про него? Они банально пренебрегают своими обязанностями?

На территории, в прошлом принадлежавшим семье Ноэль, при содействии дома Миалона, градоначальника, был построен объект, который превратил Мариялазурию в специальный муниципалитет на переднем крае науки. А требовалась им лишь городская...

— Атомная энергия.

†

В Эрнесте видели героя революции, этот образ давал ему огромную поддержку граждан. Но ущерб и жертвы, пришедшие со вторым крупномасштабным наступлением, а также большое число потерь и военные расходы за прошлый месяц привели к значительному спаду его рейтинга одобрения.

— Не имею ничего против привлечения добровольческих войск, набираемых из беженцев Стран флота и Республики, в конце концов они сами вызвались... но я категорически не согласен с тем, чтобы насильно отправлять их на линии фронта. Вместо этого мы должны сосредоточиться на возведении оборонительных сооружений. Строения всегда можно восстановить, а вот потерянные жизни вернуть уже нельзя.

Вопреки всему, президент говорил непоколебимо перед лицом затруднительного положения. Более того, он ставил спасение одной жизни над удержанием передовой и выживанием целой нации. Даже сейчас от него, сидящего на своем кожаном сиденье в резиденции президента, шел этот логически непоследовательный идеализм.

«Именно на этой славной справедливости был основан Союз Гиаде», — говорил он. Этого идеала должны придерживаться все, если человечество хочет цепляться за гордость и достоинство.

Сидящий напротив высокопоставленный чиновник не потрудился скрыть недовольство. Президент опекал иностранцев больше и ставил их выше выживания собственной страны, своего народа. И не только.

— Наши люди погибли в результате этой политики. И если, вдобавок к новым смертям, вы повысите налоги ради укрепления оборонительных сооружений, ваши рейтинги упадут еще сильнее.

— Скорее всего, так и будет, они упадут, — сказал Эрнест, не изменившись в лице. — Что с того?

Его пепельные глаза за очками, казалось, ухмылялись. Тогда-то чиновник больше не мог себя сдерживать.

— Сэр, вы такие речи толкаете за защиту народных идеалов, но на самом деле вам плевать на них, не так ли?

Эрнеста словно совсем не заботили рейтинги одобрения или самосохранение. Так же, как ему было все равно на судьбу линий фронта и своей страны, он не ценил даже собственную жизнь. Или идеалы, которых он, как заявлял, придерживался.

Ни один мускул не дрогнул на лице Эрнеста. В пепельных глазах словно отражался уставший от мира огнедышащий дракон, чье пламя полностью выгорело. Чиновник заскрипел зубами. Он бился вместе с этим человеком, с товарищем, в революции одиннадцать лет назад. Этот человек вел Союз больше десяти лет.

Когда-то он видел в нем друга и того, кто достоин уважения. Теперь перед ним был только монстр.

— Сэр. Я... Мы — всего лишь люди. И с драконом нам не по пути. Если продолжите настаивать на своем, мы не сможем следовать за вами. А если, даже зная это, вы будете еще и действовать... то предадите всех нас.

†

Командир роты попросил собраться всех, поэтому в склад подразделения пришли Меле и члены его взвода — Киахи, Отто, Милха, Рилé и Йоно. Люди из специального муниципалитета назначались в боевую часть или мигом продвигались до унтер-офицеров, всех их разбрасывали по разным подразделениям в бронетанковых дивизиях. Эта рота под командованием принцессы из рода местных рыцарей — единственная состояла исключительно из выходцев из специального муниципалитета.

Многие в других подразделениях погибли в бою, но в этом все выживали, так как их вела принцесса.

— Решение есть.

Поэтому, когда принцесса страстно обратилась к роте транспортных войск Меле и трем другим ротам, каждый человек с волнением смотрел на нее, даже не ставя под сомнения ее слова. В первом крупномасштабном наступлении, обрушившимся на Союз, ее выпуск из офицерской академии был ускорен, и теперь принцесса Ноэль представляла перед ними как уважаемая командир роты.

Рядом с Ноэль стояли молодые офицеры ее года выпуска — сыновья и дочери местных рыцарей

с других селений. Они, как и принцесса Меле, были героями, ведущими роты солдат из своих городов.

— У нас в руках средство, способное уничтожить Легион. Средство закончить войну. Армейские верха попросту пока не додумались до этого. Или, возможно, они молчат специально, чтобы дать высшей знати в конгрессе танцевать свой маленький вальс. Ведь они так умело наступают на ноги друг друга.

Она измывалась над имперским конгрессом, слишком увлеченным фракционными распрями, из-за чего никакие решения не принимались, но сама метафора была показателем ее аристократического воспитания, и Меле с остальными солдатами не совсем уловили мысль, поскольку понятия не имели, что такое этот «вальс».

— Так ты говоришь, что во всем виноваты военное руководство, президент и знать... — изложил кратко Киахи, который был для них как старший брат.

И да, Меле тоже так считал. Армия, президент, знатные семьи — они одни были в ответе за провалы. Ведущие их генералы, Эрнест, правительство и дворяне, командующие военными, были виноваты за всю ту боль, принесенную во второе крупномасштабное наступление и в войне с Легионом.

Киахи улыбнулся, его бледно-желтые глаза радостно сверкнули.

— Революция, случившаяся десять лет назад, потерпела неудачу, — произнесла Ноэль. — Но... в этот раз будет успех. Мы побьем плохишей и изменим мир. В этот раз — наверняка. Мы станем героями.

Она смотрела на Киахи, на солдат, на Меле: похоже, ее слова оправдывали их надежды.

— Теперь мы должны исправить ошибки Союза. Для этого нужно разжечь битву за справедливость, что вытянет страну из спячки. Они потерялись во тьме иллюзий, а мы зажжем синее пламя и направим их! — решительно объявила Ноэль, взвалив на плечи вес мира, ее выражение лица исказилось болью и горечью.

Все аплодировали своей лучезарной принцессе-генералу, их пылкость, наполнившая склад, демонстрировала одобрение. Киахи поднял кулак в воздух и взвыл. Отто, Рилé, Милха и Йоно скандировали имя принцессы.

Абсолютно каждого охватило предчувствие, что она... нет, что они совершают нечто поистине великое для спасения мира в момент кризиса. Меле подхватил настрой и тоже кричал вместе с остальными.

До сих пор было ощущение неправильности, но теперь-то все наладится. Много времени не

пройдет, прежде чем ситуацию получится выправить. Ведь принцесса указала им, кого винить за все плохое, и ясно обозначила, кого нужно победить. Вся их злость, тревога и недовольство были оправданы, и принцесса нашла ответственных и доказала преступления.

Все наладится. Все получится. Мудрая, надежная принцесса все исправит. Меле надо было только следовать за ней.

— Покорнейше прошу, присоединяйтесь ко мне, чтобы мы смогли защитить свою родину, свои семьи и свою страну.

Ее слова наполнили Меле радостью и облегчением.

□

Под покровом ночи одновременно исчезли четыре транспортных роты из 92-го полка тылового обеспечения со второго северного фронта. Пропали унтер-офицеры подразделения, подчиненные и все офицеры. В отчетах упоминалось возможное дезертирство.

В армии бегство под вражеским огнем было тяжким преступлением. Военная полиция тут же начала искать и отслеживать их передвижения. Дезертиры, судя по всему, направлялись в родной город, специальный муниципалитет в регионе Шемно. Может, они надеялись спрятаться на своей земле. Военные полицейские нахмурились от такого наивного плана.

Но когда они добрались до Мариялазурия, дезертиров как след простыл. Жителей города эвакуировали во время второго крупномасштабного наступления, однако персонал учреждения, посланный местным правителем, и их семьи остались жить здесь. И когда военная полиция пришла к ним, поступили мрачные новости.

Дезертиры дошли до объекта на окраине города. Они что-то из него взяли, затем ушли.

Упомянутый объект — это заброшенная электростанция. Ее построили на закате Империи, в революцию разгромили, а потом, когда разразилась война с Легионом, вывели из эксплуатации из-за своей близости к линии фронта.

И на этой электростанции находился ядерный реактор...